

- Schacter D. *Searching for Memory*. New York, 1996. (In English).
- Schmitz M. *Wendestress. Die psychosozialen Kosten der deutschen Einheit* [Turning stress. The psychosocial costs of German unity]. Berlin, 1995. (In German).
- Thumfart A. *Die politische Integration Ostdeutschlands* [The political integration of East Germany]. Frankfurt am Main, 2002. (In German).
- Welzer H. (Hrsg.) *Das soziale Gedächtnis* [Social memory]. Hamburg, 2001. (In German).
- Williams L., Banyard L. (ed.) *Trauma and Memory*. Thousand Oaks; London; New Delhi, 1998. (In English).

Сведения об авторе:

Потёмнина Марина Сергеевна, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, кандидат филологических наук, доцент, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
E-mail: mpotemina@mail.ru, mpotemina@kantiana.ru

Potjomina Marina S., Immanuel Kant Baltic Federal University, PhD in Foreign Literature, Associate Professor at Institute for Humanities Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia;
E-mail: mpotemina@mail.ru, mpotemina@kantiana.ru

МЕТАДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ

Л.А. Чистякова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец

Аннотация. Немецкоязычная литература 90-х годов стала предметом горячих дискуссий не только в литературных кругах, но и во всем медийном пространстве объединенной Германии.

Одним из подтекстов общественного резонанса литературных событий было восточно-западное ментальное противостояние. Оценка политических взглядов и общественной позиции авторов со знаком «плюс» или «минус» стала определяющей для вынесения вердикта о собственно эстетических достоинствах их произведений. Литературные дебаты были перенесены в область общественного и политического скандала. Яркий пример тому – резкая критика рассказа Кристи Вольф «Что остается».

Вопрос о политической ангажированности писателей ГДР имеет и другую сторону. Запрещенные ранее в Восточной Германии книги вызвали, напротив, особый интерес на Западе. Так же, как официальная ГДР ожидала похвалы в свой адрес, так и западные рецензенты в каждой книге искали свидетельства бунта. Несогласие с культурной политикой ГДР стало своего рода барьером, который должна была преодолеть любая книга из ГДР, чтобы быть принятой на Западе. Сами художники негативно оценивали такую ситуацию, понимая необъективность и пристрастность читателя ФРГ по отношению к их произведениям. Ситуация, в которой оказались восточногерманские писатели после объединения, становится, наиболее наглядной на примере популярного и активно обсуждаемого в 1990-е годы автора Юрека Бекера.

Ключевые слова: объединение Германии, социокультурное событие, литературные дебаты, эстетические критерии, Юрек Бекер, социализм.

METADISOURSE APPROACH TO THE WORKS OF GERMAN LITERATURE AFTER UNIFICATION OF GERMANY

Abstract. The 90s literature in the German language became an object of heated discussions not only in literary circles but in the whole media space of united Germany.

One of the concealed meanings of social response to literary events was the East-West mental confrontation. Positive or negative appreciation of the authors' political views and

social positions became determining in giving a verdict to proper aesthetic merits of their works. Literary debates were transferred to the sphere of social and political scandal. A striking example of this is the sharp criticism of Krista Volf's story "What remains".

The problem of GDR writers' political engagement has also another side. Books, forbidden earlier in Eastern Germany, on the contrary, stimulated interest in the West. In the same way as the official GDR waited for a praise in its address, the western reviewers sought for an evidence of revolt in every book. Disagreement with the GDR cultural policy became a kind of barrier, which every book from GDR had to get over in order to be accepted in the West. The writers themselves were negative in estimating such a situation and understood non-objectivity and bias of FRG readers in relation to their works. The situation, in which West German writers found themselves after the Unification, turns out to be most clear on the example of Jurek Becker, the author who was popular and was actively discussed in the 1990s.

Key words: *unification of Germany, social and cultural event, literary debates, aesthetic criteria, Jurek Becker, socialism.*

Скандал как часть литературного процесса

Первоначальная эйфория немцев, вызванная объединением Германии 1990, быстро сменилась разочарованием, и началась эпоха длительного противостояния «осси» и «весси» во всех сферах жизни, в том числе и в литературном процессе. Достаточно продолжительное существование в разных политических системах в эпоху разделения на ГДР и ФРГ наложило свой отпечаток не только на социально-политические, но и на литературные вкусы немцев с той и с другой стороны. Изменения в общественно-политической жизни вызвали не менее серьезные литературные перемены.

Исследователь Д. А. Чугунов высказывает мысль о том, что противостояние писателей запада и востока было далеко не равным: «Следует констатировать и тот факт, что 1990-е годы прошли под знаком разоблачения бывшей политики ГДР. Это не могло не отразиться и на литературной жизни, вызвав, в частности, серьезнейший идейный, мировоззренческий кризис в сознании многих восточногерманских авторов, повлекший за собой годы творческого молчания или эмиграцию из страны» [Чугунов 2006, 8]. Западные писатели, как правило, полностью игнорировали восточное культурное пространство и признавали только молодых собратьев по перу. Ставшая известной в 90-е годы западногерманская писательница Юдит Германн даже поддерживала слухи о своем «восточном» происхождении, вовремя сыграв на интересе, пробужденным ранее именно начинающими авторами из бывшей ГДР.

В объединенном пространстве литературного поля наметилась и другая тенденция. Немецкий ученый Михаэль Браун отмечает, что после 1990 года средства массовой информации начали принимать активное участие в оскандаливании авторов и их произведений. «Личность и произведение, приватная сфера и общественный статус так же неотделимы друг от друга в литературном споре, как и вопросы об эстетическом качестве (текста) и моральной незапятнанности (автора)» [Braun 2010, 78]. Скандал становится для литературного произведения своего рода серьезным тестом, в котором выражены общественные ожидания. Любые поступки и публичные выступления автора тут же сказываются на оценке его произведений. Как зарубежные, так и отечественные исследователи обращают внимание на тот факт, что скандал в настоящее время вырос до уровня объекта литературоведческого исследования. В 2008 году в Сорбонне в Центре славянских исследований проходила международная конференция «Скандал как механизм культуры», материалы которой были проанализированы в одном из выпусков журнала «Вопросы литературы». По верному замечанию автора критического очерка, «скандал обязательно направлен вовне, «коммунальность» скандала с неизбежностью предполагает «вынос сора», ибо, как показывает культурно-исторический, политический и жизненный опыт, среди «своих» (то есть находящихся внутри установленной системы) скандалов не бывает» [Осовский 2010, 69]. Стремление к делению на «своих» и «чужих» можно проследить во многих событиях литературной жизни Германии 90-х годов.

Произведения известных немецких писателей Кристи Вольф „Was bleibt“ (1990), Гюнтера Грасса „Ein weites Feld“ (1995), Петера Хандке «Serbienbuch» (1996) и другие широко дискутировались не как литературные, а в первую очередь, как социокультурные события с политическим оттенком. Литературные дебаты были перенесены в область общественно-политического скандала. Начало целому ряду громких разбирательств и обвинений в сотрудничестве с «режимом» Хоннекера положила запоздалая (1990) публикация повести Кристи Вольф «Что остается», написанная еще в 1979 году. Критики в буквальном смысле слова ополчились на писательницу, совсем недавно имевшую в ФРГ репутацию оппозиционерки. Негативное отношение к рассказу связано, прежде всего, со временем его публикации – после падения ГДР и исчезновения угрозы преследования со стороны властей. Факты сотрудничества писательницы с органами госбезопасности стали поводом для сомнения в литературных достоинствах ее творчества вообще. Разумеется, этот скандал был лишь частью большого разговора о судьбе литературы ГДР вообще, о том, какое место она займет

в едином литературном процессе. Потому и название доклада Вольфа Бирмана на литературных дебатах (1990–1991) кажется нелогичным, но очень точным: «Речь идет о Кристе Вольф, точнее, речь идет не о Кристе Вольф» [Anz 1992].

Ситуация, в которой оказались восточногерманские писатели после объединения, становится наиболее наглядной на примере популярного и активно обсуждаемого в 1990-е годы автора Юрека Бекера. Выход за рамки литературного дискурса при оценке его творчества произошел несколько раньше, поскольку он задолго до объединения покинул ГДР по политическим убеждениям и последние двадцать лет своей жизни провел в Западном Берлине.

Писатель и «реальный социализм» в творчестве Юрека Бекера

Юрек Бекер был в числе немногих, кто выразил протест против исключения из Союза писателей Райнера Кунце в октябре 1976 года и против лишения гражданских прав Вольфа Бирмана. В ноябре того же года Бекера исключают из партии. Добровольный выход из Союза писателей в 1977 году означал окончательный разрыв с социалистической системой. «С ГДР его прежде всего связывал коммунизм. Он верил, что участвует в изменении мира. И он действительно делал это, только не в желаемом направлении и не с теми результатами, на которые надеялся. То, что он считал благословенной страной, оказалось всего лишь *Fata Morgana*. После этого логично было его решение покинуть ГДР» [Reich-Ranicki 1993, 156]. Большую роль сыграло и то, что в результате опалы писатель оказался в полной изоляции: его книги перестали издавать, на киностудии ДЕФА не принимали сценарии.

В Западном Берлине у Бекера появилась не только возможность печататься, но и реализовать писательское призвание в его собственном понимании. Созданное в ГДР за последнее время было лишь реакцией на политические события в стране и в мире, что не соответствовало представлениям художника о литературе: «Я задал себе вопрос: быть писателем – это то же, что и быть борцом Сопротивления? Это не одно и то же. Я должен был решить и выбрать какую-то одну карьеру» [Der Spiegel 1997, 216].

Немецкими литературоведами неоднократно подчеркивалось, что Ю. Бекер во всех произведениях выступал в защиту социализма. Высказывания самого писателя помогают понять его позицию. В статье «О последних днях» он высказал «небольшое возражение против великой немецкой эйфории» после объединения Германии. Он считал, что до падения «реального социализма» существовала надежда на способность соцстран стать чем-то большим, чем общество потребления западного образца. «Мы на

Западе живем без представления о целях... Самое важное в социалистических странах не действительная реальность, а возможность. Там не все так предreshено, как здесь. Это неведение не означает ничего хорошего, но оно поддерживает единственную надежду в жизни, что после нас с людьми будет все в порядке. Восточная Европа представляется мне последней попыткой. И если она окажется неудачной, можно снять со счета последние деньги и пропить» [Becker 1990, 231].

Уже первые публикации привлекли к начинающему автору пристальное внимание критики и в ГДР, и в ФРГ. При анализе отдельных произведений прослеживается следующая тенденция: однозначно высоко оцениваются два романа – «Якоб-лжец» и «Дети Бронштейна»; в отношении других высказываются разные, порой взаимоисключающие друг друга мнения.

«Якоб-лжец» вызвал самые восторженные отклики. «Никому другому во всей мировой литературе не удалось написать так совершенно, и в то же время так занимательно, можно сказать, остроумно, об ужасе истребления евреев национал-социализмом, не опускаясь ни в одном эпизоде до безвкусицы или мрачного цинизма. «Якоб-лжец» был и остается достойным ответом на все якобы хорошие, но на самом деле низкопробные переработки этой темы» [Rotschild 1987, 4], – отмечал критик спустя восемнадцать лет после выхода романа.

Оценка других произведений неоднозначна: от чрезмерных похвал до едкой иронии. Значительное расхождение во мнениях восточно- и западногерманских критиков особенно наглядно на примере романа «Боксер». Образ главного героя Арона Бланка воплощает трагедию человека, жестоко преследуемого воспоминаниями и не имеющего возможности жить настоящей жизнью. По окончании войны главный герой обречен на страдания и мучительные воспоминания о жизни в лагере, он по-прежнему ощущает себя жертвой. Пережив концлагерь, бывшие узники превращаются в заложников собственной памяти, и из этого плена, подчеркивает Бекер, освободиться ничуть не легче.

Несмотря на то что произведение по своему содержанию не может быть отнесено к оптимистическим историям об «активистах первого часа», критики ГДР выделяли проблему общественной активности в социалистическом государстве как основную. При таком взгляде вполне закономерно высказывание Хенеля относительно «исторически справедливой оценки жизни Арона Бланка», которую можно было заострить «...если бы автору удалось обогатить духовно-мировоззренческий облик молодого рассказчика новым жизненным опытом и новым сознанием» [Hähnel 1977, 150]. Анна

Шарлони, напротив, считает, что «Бекер открыто полемизирует с поучительным тоном некоторых произведений литературы ГДР и отрицает линейное развитие сюжета в общем» [Chiarloni 1990, 690]. Более того, она рассматривает структуру романа как протест против монологизированного, авторитарного «партийного» повествования. В условиях жесткого ограничения свободы слова авторские комментарии не допускались, оставалась единственная возможность – расположить материал в определенном порядке, представляя субъективные мнения, различные точки зрения. Читателю необходимо самому ориентироваться среди неоднородного, временами противоречивого материала, чтобы составить собственное мнение о прошлом.

Вследствие разных интерпретаций идейного замысла произведения критики расходятся также и в оценке речевого и предметно-образного аспектов. Одни отмечают, что автор в полной мере использует возможности композиционного построения, и это позволяет отнести роман к высокохудожественным произведениям. Другие считают, что у Бекера бедный событиями, рыхлый сюжет, неточный язык, сухой тон протоколиста.

Упреки в отсутствии у Бекера принципиально критического взгляда на социализм, в приспособлении, в том, что он неполно, в искаженном виде представил действительность ГДР, легко опровергаются фактами биографии писателя, получившего известность на Западе благодаря смелой и бескомпромиссной политической позиции. Более справедливо, на наш взгляд, следующее мнение: «Случай с Бекером демонстрирует неразрывную связь литературы и политики... Юрек Бекер именно как писатель был социалистом. Впрочем, не менее важно, что социалист Бекер, выражавший себя в литературе, оставался прежде всего писателем» [Lüdke-Härtel 1993, 12].

Прожив большую часть жизни в Западном Берлине, Бекер навсегда остался для критиков представителем литературы ГДР. То обстоятельство, что в Восточной Германии его книги были запрещены, вызвало особый интерес на Западе и в определенной мере способствовало росту его популярности. Сам художник негативно оценивал такую ситуацию, понимая необъективность и пристрастность читателя ФРГ по отношению к его романам: «Мне также было ясно, что попытка стать “нормальным западным писателем” обречена на провал. Написанные в ГДР и изданные на Западе книги читаются и воспринимаются не как обычные книги. Так же, как официальная ГДР ожидала похвалы в свой адрес, так и западные рецензенты в каждой книге искали свидетельства бунта. Несогласие с культурной политикой ГДР стало своего рода барьером, который должна была преодолеть любая книга из ГДР, чтобы быть принятой здесь» [Becker 1990, 211].

В последнем романе «Бессердечная Аманда» Ю. Бекер подвел своего рода итог истории существования ГДР и, вопреки ожиданиям многих критиков, не стал живописать ни страдания жертв политического преследования, ни корумпированность партийных чиновников. Понимая ситуацию намного глубже, он показывает с помощью своих героев разные способы приспособления человека к условиям ограниченной свободы: Людвиг Венигер, поющий гимн советско-германской дружбе, и Фриц Гетман, выступивший однажды перед собранием Союза писателей с речью о нарушении прав человека, руководствуются одними и теми же мотивами. Диссидентство, как это ни парадоксально, давало еще большие преимущества, чем поддержка официальной политики. Неудобные в ГДР писатели быстро находили признание в ФРГ: у них брали интервью для телевидения и крупных газет и журналов, их книги издавали большими тиражами. В финале Аманда принимает предложение западногерманского журналиста Станислауса Долля, уверенного в себе красавца, далекого от политики, за которого она начала писать репортажи, и уезжает в Западную Германию.

Семейный союз Аманды и Станислауса можно рассматривать как символ объединения Германии. Но он же воплощает и объединение двух немецких литератур. Что получится в результате слияния политической ангажированности в сочетании с весьма скромным талантом и веселого, остроумного легкомыслия? Роман предоставляет читателям свободу в разрешении вопроса.

Что касается мнения Ю. Бекера, то оно четко выражено в статье «Объединение немецкой литературы». «Без сомнения, в бывшей ГДР литература играла другую роль, чем на Западе, более важную, как я думаю. Литературы ГДР больше не будет... Она потеряет все свои отличительные признаки, благодаря которым представляла из себя что-то особенное. Бывшая когда-то литературой ГДР, она будет продолжать жить под новым названием – просто как немецкая литература или, говоря открытым текстом, как западногерманская» [Becker 1992, 69].

Литература

- Воротникова А.Э. Криста Вольф: приход к самой себе. Новые российские гуманитарные исследования. URL: <http://nrgumis.ru/articles/347/> (дата обращения 6.01.2019).
- Осовский О.О., Осовский О.Е. «Драку заказывали?» Скандал как объект культурологического описания и историко-литературного чтения // Вопросы литературы. 2010. № 5. С. 123–129.
- Чугунов Д.А. Немецкая литература 1990-х годов: Ситуация «поворота». Воронеж, 2006.

- Anz Th. Es geht nicht um Christa Wolf. Der deutsch-deutsche Literaturstreit. Frankfurt a. M., 1992.
- Becker J. Materialien. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.
- Braun M. Die deutsche Gegenwartsliteratur. Köln Weimar Wien, 2010.
- Chiarloni A. Von der Schuld, noch Leben zu sein. Einige Bemerkungen zum Roman "Der Boxer" von J.Becker // Zeitschrift für Germanistik. Leipzig, 1990. No 6. S. 686–690.
- Hähnel K.-D. Jurek Becker: Der Boxer // Weimarer Beiträge. 1977. No 7. S. 144–150.
- Lüdke-Härtel S. / Lüdke W.M. Jurek Becker // Kritisches Lexikon zur deutschen Gegenwartsliteratur. München, 1993.
- Reich-Ranicki M. Über Ruhestörer. Juden in der deutschen Literatur. München, 1993.
- Rotschild Th. Opfer als Täter als Opfer // Die Neue Gesellschaft. Bonn. 1987. No 1. S. 4–5. Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur/ Herausgegeben von Heinz Ludwig Arnold. – Heft 116. Jurek Becker. – Oktober 1992.

References

(Articles from Scientific Journals)

- Vorotnikova A.E. Krista Vol'f: prikhod k samoy sebe [Christa Wolf: coming to herself]. Novyye rossiyskiye gumanitarnyye issledovaniya. Available at: <http://nrgumis.ru/articles/347/> (accessed 06.01.2019). (In Russian).
- Osovskiy O.O., Osovskiy O.E. «Draku zakazyvali?» Skandal kak ob"yekt kul'turologicheskogo opisaniya i istoriko-literaturnogo chteniya ["Did you order the fight?" Scandal as an object of a description in cultural studies and of historical-literary reading]. Voprosy literatury, 2010, no. 5. Pp. 123–129. (In Russian).
- Rotschild Th. Opfer als Täter als Opfer [Victim as Criminal as Victim]. Die Neue Gesellschaft, 1987, no. 1. Pp.4–5. (In German).
- Hähnel K.-D. Jurek Becker: Der Boxer [Jurek Becker "Boxer"]. Weimarer Beiträge, 1977, no. 7. Pp. 144–150. (In German).
- Chiarloni A. Von der Schuld, noch Leben zu sein. Einige Bemerkungen zum Roman "Der Boxer" von J. Becker. [On the fault of the survived. Commentaries to the novel by Jurek Becker]. Zeitschrift für Germanistik. Leipzig, 1990, no 6. Pp. 686–690. (In German).
- Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur. Heft 116. Jurek Becker [Jurek Becker]. 1992. October. (In German).
- Lüdke-Härtel S. Lüdke W.M. Jurek Becker [Jurek Becker]. Kritisches Lexikon zur deutschen Gegenwartsliteratur, München, 1993. (In German).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

- Anz Th. Es geht nicht um Christa Wolf [We don't speak of Christa Wolf. Literary debate

- between Germans and Germans]. Der deutsch-deutsche Literaturstreit. Frankfurt a. M., 1992. Pp. 86–97. (In German).
- Becker J. Materialien [Collection of articles]. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1992. Pp.236–246. (In German).

(Monographs)

- Ћугунов D.A. Nемецкая литература 1990-h godov: Situaciya «povorota» [German literature of the 1990s: Situation of "turning"]. Voronež, 2006. (In Russian).
- Braun M. Die deutsche Gegenwartsliteratur [Modern German literature]. Köln Weimar Wien, 2010. (In German).
- Reich-Ranicki M. Über Ruhestörer. Juden in der deutschen Literatur [On disturbers of calmness. Jews in German literature]. München, 1993. (In German).

Сведения об авторе:

Чистякова Людмила Александровна, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и перевода.
E-mail: luchis@mail.ru

Chistyakova Lyudmila A., Bunin Elets State University, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Romance and Germanic languages and translation.
E-mail: luchis@mail.ru